

Перелистывая газету «За индустриализацию», издававшуюся в советское время Наркомтяжпромом, я обратил внимание на публикацию материалов за 10 февраля 1937 года, посвящённую 100-летию со дня смерти русского поэта А.С. Пушкина (1799–1837). Среди них особо выделялось свидетельство современника Пушкина об Островском. Автор довольно обстоятельно рисует внешний облик дворянина-разбойника и его романтические «подвиги».

Итак, вот что сообщал современник Пушкина.

ПРОТОТИП ДУБРОВСКОГО

Из неопубликованных воспоминаний современников

Островский проказничал долго, лет пять-шесть: или его преследовали не так усердно, или он умел вести свои дела так, что его трудно было поймать. У него, кажется, не было шайки; крал и грабил один. Он был несколько образованный шляхтич, т. е. знал грамоту, учился где-то в уездном училище и пошёл на этот промысел, чуя в себе богатырскую силу и любя свободу по своим понятиям. Он грабил с разбором, у кого лишнее, он отнимал это лишнее, встретясь в лесу или на дороге с нищим, он делился с ним тем, что сам имел. Потому у него было много покровителей, даже между дворянами; ему сочувствовали даже некоторые дамы из помещиц средней руки, начитанные романами. Несмотря на это, его поймали, наконец, и я имел случай видеть его несколько раз; его вели однажды по Офицерской улице, вероятно, к допросу, он шёл в тяжёлых цепях на ногах, в сером сюртуке, фуражке набекрень и с железным толстым прутком в руках. Он весело шутил с четырьмя своими конвоирами, смешил их, срывая рукою ябло-

ки, которые выставлялись из садов за заборы улиц, и иногда, шутя, покручивал наручный круг так, что он скрипел ужасно. Он был роста выше обыкновенного: его голова была выше всякого забора, мимо которого его вели. Лицом он был очень красив, с чёрными тонкими усами, но взгляд его больших серых глаз был ужасный.

Когда он сидел ещё в полиции, его смотрели многие, давали ему деньги и разговаривали с ним в присутствии полицейских чиновников.

Многие слабонервные не только женщины, но и мужчины не могли вынести его взгляда, так как он был не то, чтобы свиреп, но поразителен. Все знали, что он не убийца, а боялись подходить к нему. Не знаю, чем он кончил, я уехал уже в Петербург, а он сидел в остроге. Долго спустя говорили, что он ушёл, перекрутив на улице при конвойных свои цепи. Как это было, мне неизвестно, но Островский не был сослан тогда...

При первом чтении вызывает удивление то, что история об Островском почти совпадает с сюжетной схемой романа Пушкина. В «Дубровском» поэт воспроизвёл основные вехи жизни «дворянина-разбойника». Это тяжба, разорение, «разбойничество». Но в истории Островского Пушкина, видимо, заинтересовал не разбойник как таковой, о котором красноречиво писали современники поэта, не авантюрная сторона его биографии, а скорее социальная, кто «разбойничает», почему и как.

В романе Пушкина исследователи творчества поэта отмечают некоторые романтические мотивы, перекликающиеся с рассказами его современников. Дескать, Островский, как и Дубровский, «грабил с разбором, у кого лишнее», имел много покровителей, и потому его трудно было поймать. Островскому, как и Дубровскому-разбойнику, сочувствовали даже «некоторые дамы из помещиц средней руки, начитанные романами».

Но думается, что в судьбе Островского поэта заинтересовал прежде всего бунт дворянина вместе с его крепостными: «Помещик взял своих крестьян, оставшихся без земли, и пошёл с ними разбойничать». Но только ли бунт интересовал поэта? Нет, конечно. Пушкина интересовали причины, приведшие дворянина к разбою. Отсюда его особый интерес к практике ведения судебных дел в России. И не только у Пушкина. Поводом для написания «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголю послужила тяжба, о которой «палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!»

О том, как родился замысел романа, узнаём из письма Пушкина жене. В конце сентября 1832 года Пушкин находился в Москве и жил у своего московского друга Павла Войновича Нащокина (1800–1854). Однажды за вечерними разговорами Нащокин поведал Пушкину историю о мелкопоместном белорусском дворянине Павле Островском, доведённом до нищеты и разорения одним богатым соседом-помещиком. История настолько увлекла Пушкина, что он тут же набросал письмо Наталье Николаевне: «Мне пришёл в голову роман, и я, вероятно, за него примусь...»

Долгие годы так и считалось, что поводом для написания «Дубровского» послужил рассказ П.В. Нащокина о «дворянине-разбойнике». В качестве доказательства этого факта литературоведы располагали лишь пересказом русского историка, литературоведа, издателя и биографа П.И. Бартенева (1829–1912), который выглядит так: «Он (Нащокин. – Н. Б.) рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина

по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других...»

Но откуда же история эта стала известна Нащокину? Советский литературовед Н.Н. Бельчанинов выяснил, что у отца П.В. Нащокина было имение в Себежском уезде Витебской губернии. До 1860 года этим имением владела младшая сестра Павла Войновича. Считалось, что от неё, по всей вероятности, и услышал впервые Нащокин рассказ об Островском. Но, как оказалось, Нащокин видел Островского, когда тот сидел в остроге. И автором приведённого выше рассказа «Прототип Дубровского. Из неопубликованных воспоминаний современников» является всё тот же Павел Войнович Нащокин.

Архивные находки советского филолога И. Степунина, произведённые в Центральном государственном историческом архиве Белорусской ССР, помогли установить некоторые факты биографии прототипа Дубровского – Павла Островского. Его родина – маленькое белорусское село Рованичи Минской губернии. Предки владели крохотным имением всего из двадцати душ крестьян. Оно находилось в девяти верстах от города Дисны и называлось Оржихневичи (или Островщизна). В двадцать два года Островский лишился этого имения (Дубровскому было 23 года). Во время вторжения в Белоруссию наполеоновских войск имение разорили, а крестьяне разбежались. Всё имущество его, а также документы были сожжены.

Вспомним, что по роману у старика Дубровского тоже сгорели все бумаги на право владения им Кистенёвкой, что позволило Троекурову легко выиграть процесс.

После того как Павел Островский лишился имения, он стал числиться в жандармских кругах, как «мятежник». Причиной тому была антиправительственная деятельность Островского.

В чём она заключалась, сказать трудно, но слово «мятежник» с этих пор твёрдо закрепилось за Островским. Впрочем, не только за Островским, но и за многими другими молодыми шляхтичами из села Рованичи, родины Островского. Об этом сообщал могилёвский губернатор М.Н. Муравьев (прозванный позже за свою жестокость «вешателем») начальнику военных поселений Клейнмихелю.

О «неусыпных наблюдениях» за Островским рапортовала полиция, в свою очередь, минскому губернатору. Из архивных материалов известно, что до ареста Островский был учителем у помещика Помарнацкого. В имении этого помещика и, по всей видимости, не без его участия он и был взят под стражу. В черновых набросках Пушкина Дубровского арестовывают по доносу. Исправник, узнав о том, кто скрывается в имении Троекурова под именем Дефоржа, приезжает, чтобы схватить его.

Но эти подлинные факты биографии Павла Островского стали известны позже. Знали ли о них Нащокин и Пушкин в то время, сказать трудно.

Известно одно: Пушкина настолько увлекла рассказанная Нащокиным история, что после возвращения в Петербург он отложил все свои литературные планы и написал первую часть нового романа буквально за две недели. В письме Пушкина Нащокину от 2 декабря 1832 года главный герой ещё носит фамилию Островский: «Sur ce поговорим о деле: имею честь тебе объявить, что первый том Островского кончен и на днях прислан будет в Москву на твоё рассмотрение и под критику г. Короткого». Упомянутый в письме господин Короткий в звании титулярного советника служил в ссудной кассе – давний знакомый

Нащокина. Пушкин решил отдать ему на просмотр свою рукопись как специалисту по ведению тяжёлых дел. Так начиналась литературная история знаменитого романа.

Но только ли рассказ Нащокина о дворянине Островском послужил фабулой для «Дубровского»? Архивные документы той поры давали Пушкину богатый материал, который характеризовал образ жизни русских помещиков, нравы и обычаи в крепостной усадьбе, порядки, господствовавшие в российских губерниях.

Свидетельств же о том, как один помещик разорил другого, во времена Пушкина в России было предостаточно. М.П. Погодин (1800–1875), критик, публицист, преподаватель, затем профессор Московского университета, в письме к П.А. Вяземскому (1792–1878), поэту, критику, одному из ближайших друзей Пушкина, писал: «...одного помещика разорил сосед, оттягав его землю. Помещик взял своих крестьян, оставшихся без земли, и пошёл с ними разбойничать, несколько раз был пойман, переходил через суды разные очень оригинально etc.»

Показательно в этом плане и судебное дело сенатского архива за 1816 год по Нижегородской губернии, где находилось имение Пушкиных. Дело «по доносу секретаря Правдухина о злоупотреблениях по Нижегородской губернии» свидетельствовало о вопиющем беззаконии губернских властей. Чиновник Крылов, написавший донос, подробно раскрывал злоупотребления всего «Нижегородского правительства», этой, как он характеризовал его, «единодушной шайки на лихоимстве основанной».

Среди громких дел того времени дело Нижегородской канцелярии «о буйственных поступках генерал-майора Вл. Баженова дворовых людей с таковыми же г. полковника Вс. Баженова людьми», свидетельствовавшего о «распре между крепостными, подстрекаемой господами». Полковника В.В. Баженова судили как «человека буйного, не повинующегося законной власти и правительствам, наносящего своими дерзкими и неблагопристойными поступками дворянскому Нижегородской губернии сословию стыд и бесчестие, и которого лишили чина и исключили из числа Нижегородского дворянства».

«Поступки» Баженова, пропечатанные в книге «Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии» (т. VIII, Нижний Новгород, 1909, с. 35–43), были известны давно и заключались в «сопротивлении губернским и уездным властям, в оскорблении их, во многих насилиях над своими и чужими крестьянами, в оскорблении на словах и в письмах брата своего, помещицы Мацыевой и других, в подстрекательстве своих крестьян не повиноваться властям...»

Возможно, Пушкину было известно и дело той же Нижегородской канцелярии об «убийстве помещика Ружевского дворовыми людьми Соловьёвым, Савелием и Василием Кузьмиными...». Оно тянулось долго и закончилось 4 февраля 1818 года.

Некоторые исследователи твёрдо убеждены в том, что в основу сюжета романа Пушкин положил дело «О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семёну Петрову сыну Крюкову, состоящим Тамбовской губернии Козловской округи сельце Новопанском». Правда, в этом непростом деле, как выявили литературоведы В. Мануйлов и Е. Холшевникова, была на стороне Муратова, а сила – у Крюкова. Документы о праве владения имением у Муратова сгорели. Тяжба длилась с 1826 по 1832 год. В конце концов суд стал на сторону сильного и присудил имение Крюкову.

Копию с этого дела, полагают исследователи, Пушкин вставил в рукопись романа целиком, изменив лишь фамилии Крюкова на Троекурова, а Муратова на Островского (в окончательной редакции на Дубровского).

Но только ли перечисленные выше дела стали отправной точкой для написания романа? Известно, что Пушкин собирал сведения о выступлениях крепостных крестьян во время холерных бунтов 30-х годов XIX века.

В черновых бумагах поэта сохранился листок с наименованием состава земского суда и формой допроса. Литературовед И.А. Шляпкин (1858–1918), опубликовавший в 1903 году своё исследование «Из не изданных бумаг Пушкина», высказал предположение о том, что они свидетельствуют о большой подготовительной работе над романом. Перечень членов земского суда, замечает исследователь, почти совпадает с действующими лицами повести: «Земский суд. Исправник. Заседатель земского суда. Секретарь. Стряпчий. Письмоводитель (писарь). Солдат (унтер-инвалидный). Священник ближний». В повести вместо солдат в присутствии суда – сторожа.

Любопытна форма допроса: «Привозят – *Зерцало* в избе. Свящ. с крест. с еванг. *Следствие*: донос на кого? *Форма допроса*: Чей ты?.. Зовут меня Д., двор. чел. такого-то господ. Отроду столько-то. Вероисповедание. На исповеди и у свят. прич. бываю через год. Наперёд сего в штрафах (в приводах), под следствием и судом никогда не был. Ты убийца – за что и как, апелляцию – срок год».

В одном из ранних вариантов плана романа Пушкин запишет: «Островский, воспитываясь в П. Б., по смерти отца возвращается в деревню...» В центре событий молодой герой, названный здесь Островским С него, по-видимому, должно было начинаться повествование. Ему посвящены все дальнейшие события. План это наиболее подробный. В нём уже намечены почти все основные вехи развития сюжета повести: тяжба Островского из-за земли, смерть героя отца, разбойничество вместе с крепостными, встреча с дочерью виновника его несчастья, любовь... В этом плане Пушкин уже наметил основные эпизоды, мотивы поступков главного героя. Но многое ещё не уточнено, не определено. По этому плану влюблённые соединяются: «Учитель убегает с барышней». Далее Пушкина запишет: «Островский в Москве живёт уединённо, форейтор его попадает в буйстве и доносит на Островского (с одним из шайки Островского). Оберполицмейстер». Здесь явно видно, что главный герой романа обречён.

10 января 1833 года Нащокин нетерпеливо спрашивает у поэта: «Что твой роман?» Видимо, речь идёт всё о том же романе «Островский».

Окончательно в первый том вошли первые восемь глав, остальные одиннадцать – во второй том. Пушкин же задумал роман как трёхтомное произведение.

Из биографической хроники Пушкина известно, что в феврале 1833 года поэт набрасывает конец последней, девятнадцатой главы, которая сегодня воспринимается как эпилог. Но публиковать новое произведение Пушкин явно не спешил. По-видимому, его что-то не устраивало в новом романе. Существует много предположений по поводу того, почему оборвалась работа Пушкина над романом. Одни исследователи считают, что его не удовлетворял слишком романтический герой. Другие полагают, что у него возник интерес к пугачёвской теме. Третьи, что роман в таком виде не пропустила бы цензура. Справедливы, возможно, все точки зрения. Но есть одно событие, которое исследователи упускают из виду.

В 1833 году, когда все девятнадцать глав романа уже были написаны, Пушкин начинает вносить в рукопись, написанную почти полностью карандашом, множество исправлений, перестановок, вставок, что потом, после его гибели, создало определённые трудности при подготовке текста в печать. Роман был впервые напечатан в 1841 году и озаглавлен его первыми издателями В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, П.А. Плетнёвым. И тому были основания.

Перед этим, отложив почти готовую рукопись, Пушкин набрасывает новый план. Он лаконичнее первого. И самое главное – Пушкин меняет фамилию главного героя. Что побудило Пушкина сделать это, мы вряд ли узнаем.

Вот как выглядел этот план: «Дубровский – 1-я глава, 2-я, болезнь, письмо няни. Попытка к примирению, смерть, похороны; приезд молодого барина, во время пирушки похоронной он занимается делами – разбирает бумаги. Жажда мщения, встреча его с дочерью Дубровского (скорее всего, описка, вероятно, с дочерью Островского. – *Н. Б.*) – прогулка его на кладбище. Приезд суда – Ночной пожар (от людей без участия Дубровского). Архип убивает суд – Дубровский его виновные люди скрываются».

Да, в этом плане герой уже назван Дубровским. Откуда же взялась новая фамилия?

Заглянем в работу исследователя А.А. Ерёмкина (1909–1993) «Пушкин в Нижегородском крае». Впервые она была опубликована в 1951 году. Александр Алексеевич напишет в своей автобиографии: «Пушкин овладел мною настолько, что целых десять лет я словно был его современником». В своей работе он высказал предположение, что в основу повести (исследователь определил жанр «Дубровского» как повесть. – *Н. Б.*) поэт мог положить судебное разбирательство, произошедшее в Нижегородской губернии в 1802 году. Суть его в следующем: прапорщик Дубровский подал жалобу на статского советника Юдина, который незаконно завладел имением, принадлежавшим его тестю. Знал ли об этом факте Пушкин? Возможно.

Для убедительности сего предположения А.А. Ерёмин привёл рассказ И.В. Киреева, болдинского старосты, слышанный им от стариков, о том, что около села Болдино находилось «неспокойное» село Срезнёво. Дескать, из этого села по приказу правительства часть крестьян «для исправления» была переселена в Кистенёвку.

Расположенная невдалеке от Болдина Кистенёвка, как известно, принадлежала отцу поэта Сергею Львовичу Пушкину. К 1830 году в нём числилось 474 крепостных крестьянина, состоявших на оброке. В связи с женитьбой сына Сергей Львович отделил ему 200 кистенёвских душ. Для вступления во владение своей частью имения Пушкину пришлось осенью 1830 года отправиться в Болдино и приступить к разделу.

Приехав в Болдино, Пушкин увидел, что хозяйство запущено, управление имением плохое, а крестьяне Кистенёвки чрезвычайно бедны. Пушкину ничего не оставалось, как заложить 200 душ крепостных в банке и на вырученные 40 тысяч рублей ассигнациями покрыть свадебные расходы.

В процессе работы над романом Пушкин знакомится не только с делом нижегородского Дубровского. Возможно, ему стало известно дело и Псковской канцелярии о крестьянах помещика Дубровского, оказавших сопротивление при отправке их в Новгородскую канцелярию по жалобе помещика Апрелова? Оно относится к 1737 году, то есть стало

известно за 62 года до рождения Пушкина и за 94 года до начала его работы над романом.

Вот что сохранилось в архивном «Деле Псковской провинциальной канцелярии» (Псков, 1884) об этом деле.

«Апрелов жаловался на двух крестьян помещика Дубровского, находившихся в Завелицкой засаде Колпинской губы деревни Пнёво, которые будто бы укрывали апреловского человека и помогали ему бежать за польскую границу. По указу Новгородской канцелярии Псковская провинциальная канцелярия послала туда капрала, который, однако донёс, что когда он прибыл в деревню Пнёво, то там собралось человек двадцать крестьян, вооруженных косами и дубинками и грозили капралу или изрубить его, или потопить в озере. По получении такого донесения канцелярия распорядилась для поимки требуемых крестьян послать вторично солдат с нарочными рассыльными; но и эти донесли, что по прибытии в деревню крестьян Дубровского жителей никого в наличности не оказалось.

По определению канцелярии третий раз был послан урядник с солдатами, но и урядник возвратился с известием, что он никого из крестьян Дубровского не нашёл. Тогда канцелярия распорядилась послать сержанта, которому приказано было, чтобы, если ослушников он не отыщет, взять других крестьян Дубровского или, если их никого не окажется, взять других вотчин крестьян, при помощи которых и поймать ослушников. Однако и сержант возвратился без успеха, потому что окрестные крестьяне архиерейских вотчин отказали ему в помощи, ссылаясь на то, что без приказа своего непосредственного начальства они никуда уходить не могут. Со своими только солдатами сержант отправился в деревню Пнёво, но там никого не нашёл, а когда пришёл в другую деревню Дубровского, то человек десять скрывавшихся крестьян вышли из лесу с топорами и рогатинами и объявили, что если их будут ловить, то они его с рассыльными убьют или потопят в озере; причём они заявили, что они так действуют по приказу Дубровского, который писал, что если кто приедет для поимки их, то если поимщиков будет немного, бить их, а если много, то бежать в лес. После сего канцелярия распорядилась ещё послать для поимки ослушников, и вместе – промеморию в консисторию о приказе крестьянам духовного ведомства оказать содействие в поимке требуемых крестьян, но на этом указе дело заканчивается и чем оно закончилось неизвестно».

История о двух Дубровских, происходившая в Нижегородской и Псковской губерниях, скорее всего, взяла верх над белорусским дворянином-разбойником Павлом Островским. Герой с лесной фамилией оказался ближе, роднее. Внимательный читатель не мог не заметить, что автор явно симпатизирует ему. Да и как закончилась та давняя история, автору неизвестно.

Как же сложилась дальнейшая судьба Павла Островского, с которого начинался роман? В октябре 1831 года вместе с участниками польского восстания он под стражей был отправлен сначала в Витебск, а затем в Псков. Но Островскому удалось бежать. Многие солдаты в Витебске сочувственно относились к повстанцам. Воспользовавшись, очевидно, доброжелательностью некоторых конвоиров, Островский перепилил на ногах цепи.

Из рапорта полковника Жуковского витебскому генерал-губернатору Н. Н. Хованскому от 26 марта 1832 года: «Содержащийся в г. Пскове в числе военнопленных польских и литовских мятежников уроженец

Минской губернии Игуменского повета местечка Рованичи шляхтич Павел Островский, коему от роду 22 года, сего месяца марта 12-го числа неизвестно куда отлучился».

Разумеется, Островского долго искали в Белоруссии, и в частности на Витебщине. Искали его и на Псковщине, и в Нижегородщине – местах, хорошо знакомых Пушкину. Но так и не нашли.

Пушкин тоже оставил читателя наедине со своими размышлениями, дескать, «пожары и грабежи прекратились», а «Дубровский скрылся за границу».

Возможно, в этом Пушкин увидел главный аргумент перед цензорами: дело, дескать, древнее, не относящееся к современной действительности, так сказать, историческое. И начинается роман незамысловато, автор как бы нехотя рассказывает старинную историю: «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин...» Мне думается, цензор заснул сразу после этих слов. А ежели не уснул после первых слов, то терпения у него хватило на чтение ещё одной-двух страниц. И что он узнал далее про русского барина? Как «он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе» (а чем ему ещё заниматься в деревне?), что у него было 16 горничных (эка, невидаль, и поболее бывает в богатых домах!), что с крестьянами и дворовыми обходился строго (а иначе нельзя!), что жизнь его состояла в разъездах, пирах да проказах (господи, дай терпения дочитать этот роман!), что псарню завёл... Ничего более скучного не приходилось читать цензору! И он захлопнул перебелённую рукопись.

В романе нет и точных дат, указывающих на то, в какое время жили его герои. Разбирательство в уездном суде происходило «18... года октября 27 дня...» Есть лишь косвенные данные, которые указывают на то, что отец русского барина Пётр Ефимов сын Троекуров был коллежским ассессором и кавалером, что «в 17... году августа 14 дня» приобрёл имение, а сын его генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров, «с 17... года почти с малолетства находился в военной службе и по большей части был в походах за границами...». Военные походы, надо полагать, времён Александра Васильевича Суворова (1730–1800). Правда, есть и более точные даты. Разбирая бумаги, Владимир Дубровский находит письма матери, адресованные отцу из Кистенёвки в армию во время его Турецкого похода. Очевидно, Пушкин имел в виду Русско-турецкую войну 1787–1791 годов. В рассказе помещицы Анны Савишны Глобовой о том, как она встретила Дубровского, есть упоминание о его портретном сходстве с русским генералом Кульневым, одержавшем ряд побед во время русско-шведской войны 1808–1809 годов. И, наконец, в романе есть ссылки на два юридических документа – на указ от 29 ноября 1752 года и от мая 1818 года, по которым решался спор о праве на владение имением. Последняя дата указывает на то, что описываемые события происходили, видимо, в царствование Александра I. Нет, всё-таки одну точную дату Пушкин назвал: мундир, в который одели покойного старика Дубровского, был сшит в 1797 году. Это было уже время царствования Павла I.

А вот о том, где происходили события, описанные в романе, точного указания места нет. Пушкин не называет ни губернии, ни губернского города. Рассказ же автора романа о дремучих лесах, берёзовых рощах, роскошных лугах читатели соотносят с природой средней полосы России. Лишь в описании имения князя Вереяского есть указание на то, что «Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки

под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки... За рекой тянулись холмы и поля...» Надо полагать, события происходили в Нижегородской губернии, где находились имения Пушкиных Болдино и Кистенёвка. Именем Кистенёвки, как известно, Пушкин назвал в романе имение Дубровского.

Друзья Пушкина знали, как создавался роман. А вот читатели после выхода романа в свет полагали, что образ главного героя – плод фантазии автора, а сюжет, дескать, создан под влиянием некоторых произведений западноевропейской литературы.

Действительно, тема разбойничества не была новой в русской и мировой литературе. В 1781 году читателям России стала известна трагедия великого немецкого поэта Фридриха Шиллера «Разбойники». Вслед за нею в мировой литературе возникло множество «разбойничьих» драм, поэм, повестей и романов. В 1797 году в Германии был издан роман Кристиана Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини», в 1814 году в Англии увидели свет поэмы Джорджа Байрона «Лара» и «Корсар», в 1818 году во Франции вышел роман Шарля Нодье «Жан Сбогар»...

Российский читатель того времени был избалован французскими романами. Старая графиня Анна Федотовна из пушкинской повести «Пиковая дама» просит своего внука молодого офицера Томского прислать ей какой-нибудь новый роман, но, «где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел». «Я ужасно боюсь утопленников!» – говорит старая графиня. «Таких романов нынче нет, – отвечает Томский. – Не хотите ли разве русских?» «А разве есть русские романы?..» – спрашивает старая графиня.

Русских романов, в которых бы отражалась жизнь русского общества, в ту пору попросту не было. 30-е годы XIX века, по определению В.Г. Белинского (1811–1848), «критические для русской литературы». В эти годы ещё только закладывалась основа тех процессов, которые впоследствии привели к небывалому расцвету русского романа, принёсшего русской литературе мировую славу. Поэзия медленно уступала место прозе. «Если есть идеи времени, то есть и формы времени», – писал в 1835 году Белинский. Такой «формой времени» и явилась в 30-х годах русская повесть. Она была наиболее распространённым и популярным в читательских кругах того времени жанром.

И потому, думается, Пушкин неслучайно пришёл к «Дубровскому». В 1821–1822 годах он написал романтическую поэму «Братья разбойники». В основу поэмы, по рассказу самого поэта, была положена истинная история о том, как «два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись». К сожалению, Пушкин сжёг рукопись и до нас дошёл лишь небольшой её отрывок. Но и по дошедшему до нашего времени варианту можно увидеть, что задумана она была в духе народных песен:

Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.

Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да тёмну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

В 1820 году во время поездки на юг России с семьёй генерала Раевского Пушкин побывал на Дону. И не мог не слышать песни о Разине, Болотникове, Булавине, о Степане Разине. На Дону прошла юность Степана Разина. Отсюда он начал своё восстание. Интерес к личности Степана Разина у Пушкина не пропал и позднее.

Из михайловской ссылки Пушкин писал брату: «...вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ах! Боже мой, чуть не забыл! Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». В 1826 году Пушкин начал писать свои «Песни о Стеньке Разине».

И если в «Братьях разбойниках» отчасти слышится влияние «Шильонского узника» Байрона, переведённого В.А. Жуковским, то три песни о Стеньке Разине, по заключению В. Мануйлова и Е. Холшевниковой, «строго выдержаны в стиле народных разбойничьих песен». А когда Пушкин называет Степана Разина разбойником, то это вовсе не означает, что он «вор» или «убийца»:

Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян.

Здесь Степан Разин – бунтарь, восставший против бояр, против господ, здесь он – защитник угнетённого народа.

На первый взгляд Пушкин в «Дубровском», по мнению некоторых литературоведов, продолжает традиции «разбойничьего» романа.

Романтические разбойники вызывали сочувствие, особенно у юных читателей и читательниц. И дело было вовсе не в том, что эти герои выступали против несправедливостей феодального строя. Читателей и читательниц в этих книгах привлекали стремительный и неожиданный сюжет, тайна, опасности, которые подстерегали литературных героев. Восхищали их удаль и отвага. вспомните, как переменялось отношение Маши Троекуровой к молодому учителю-французу Дефоржу, который спокойно стоял над убитым им медведем и спокойно разговаривал с нею, отвечая на вопросы Кирилы Петровича. Француз буквально завладел её вниманием. Храбрость его и гордое самолюбие вызывали у неё лишь уважение. Думается, что Пушкин расширил возможности «разбойничьего» романа, вышел за его границы.

На смену романам Ричардсона и Руссо, которые так нравились Татьяне Лариной из «Евгения Онегина», пришли новые герои.